

УДК 340

DOI 10.17223/22253513/16/7

А.А. Исаева

ПРАВО НА ОБЪЕДИНЕНИЕ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ СОГЛАСНО ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 г.

В статье анализируется право на объединение и возможность его ограничения по различным основаниям с точки зрения практики Европейского суда по правам человека. Выделяются три основных требования к правомерности его ограничения государствами и показано, как они применялись в конкретных делах Суда. Право на объединение по своему содержанию постоянно корректируется в отраслевом законодательстве России, а потому анализ зарубежного опыта его ограничений и защиты может стать источником для прогрессивных идей, применимых в нашей стране, указать на возможные ошибки и пути их преодоления.

Ключевые слова: право на объединение, регистрация объединений, права человека, Европейский суд по правам человека, конвенционные права.

Введение в проблему

Право на объединение позволяет людям коллективно выражать и отстаивать свои общие интересы. Уважение и соблюдение всеми ветвями публичной власти этого права, а также последовательное выполнение соответствующих законов всеми слоями общества необходимы не только для установления и последующего развития в государстве истинной демократии, ее институтов.

Такая последовательная демократия – важнейшая цель не только для отдельных суверенных государств, но и их объединений, например, в рамках международных организаций – Организации Объединенных Наций, Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что нормы, провозглашающие и гарантирующие широкую свободу объединений, были закреплены во многих актах, принятых этими организациями.

Мировые и европейские документы по правам человека включают в себя определенное число универсальных и характерных для всех гарантий свободы объединения, которые стали рассматриваться как некоторые стандарты правового положения личности. Кроме того, в ряде международно-правовых источников содержатся нормы, адресованные объединениям, созданным с конкретными целями либо особым типом членства. Некоторые гарантии закреплены в ст. 20 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., в ст. 11 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская конвенция), в ст. 10 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., в ст. 16 Американской конвенции по правам человека 1969 г. и т.д.

Более того, существуют гарантии права на объединение, касающиеся определенных социальных групп, например, таких как дети, защитники природы, защитники прав человека, судьи, национальные меньшинства, беженцы и лица без гражданства и т.д. Кроме того, отдельные провозглашенные права человека могут, в том числе в качестве одной из форм реализации, предполагать право на объединение. Например, провозглашенное в ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. право принимать участие в культурной жизни, безусловно, включает в себя возможность формировать для этой цели объединения.

Согласно юридической доктрине, право каждого на объединение с другими относится к группе негативных прав. Это предполагает обязанность государства не вмешиваться и не препятствовать легальной реализации таких прав каждым человеком. Однако такую обязанность нельзя толковать как абсолютную. Она сосуществует с позитивными обязанностями государства: во-первых, обеспечивать эффективное осуществление индивидуальных прав и свобод; во-вторых, гарантировать такие условия, при которых реализация прав и свобод одним лицом не мешает их применению другими. Необходимость поддержания баланса между правами и свободами личности, с одной стороны, и интересами гражданского общества – с другой, предопределила включение уже в первые документы по правам человека наднационального уровня института допустимых ограничений государством индивидуальных прав и свобод – института дерогации [1, 2, 3].

Всеобщая декларация прав человека 1948 г., будучи хоть и рекомендательным актом, впервые закрепила не только перечень прав и свобод, но и критерии их правомерных ограничений государством (ст. 29–30). В свою очередь, принятая двумя годами позже Европейская конвенция конкретизировала и расширила их, классифицировав на общие и специальные. Последние относятся к таким правам и свободам, как право на неприкосновенность личности, жилища и корреспонденции, свобода мирных собраний и ассоциаций, право беспрепятственно пользоваться своим имуществом, свобода выбора места жительства, право иностранцев на проживание на территории государства и недопустимость высылки. Причем если общие ограничения (ст. 15–18) в целом дублируют критерии, закрепленные во Всеобщей декларации, то специальные явились новацией Европейской конвенции. В частности, согласно ее положениям, дерогационные возможности государства применительно к праву на объединение трактуются достаточно конкретно. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности и общественного порядка в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав других лиц (п. 2 ст. 11). Кроме того, это положение дополнено особым случаем, касающимся возможности введения ограничения права на объединение и свободу мирных собраний для лиц, входящих в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Важно отметить, что чрезвычайная абстрактность вышеуказанных формулировок и критериев правовых ограничений способствовала их субъективно-

му и весьма произвольному толкованию и применению в практике государств-членов Совета Европы, что вызвало множество жалоб в Европейский суд по правам человека (далее – Европейский суд, Суд). В свою очередь, этот международный судебный орган, прибегнув к толкованию, фактически сформулировал в своих решениях концепцию допустимых ограничений государством основных прав и свобод и тем самым способствовал унификации национальной практики по их применению. Именно поэтому рассмотрение дерогационных прав государства в отношении права на объединение важно основывать на анализе соответствующих решений Европейского суда.

Вместе с тем следует отметить, что жалоб на произвольное толкование государством допустимых ограничений в отношении права на объединение количественно гораздо меньше, чем в отношении других прав и свобод. Однако схожесть базовых критериев ограничений, повсеместное использование Европейским судом в целом прецедентного права при рассмотрении конкретных дел позволяют рассматривать позицию этого органа автономно, без особой привязки к отдельным правам.

Ограничение должно носить легальный характер

К числу основных требований правомерности ограничений Европейская конвенция относит то, что они должны предусматриваться законом (ст. 8–11). Хотя в англоязычном варианте есть некоторые расхождения в этой формулировке (в ст. 8 указано «в соответствии с законом»), но в русском переводе используется только термин «предусмотрен». Хотя очевидно, что применение этих терминов на национальном уровне может иметь разную трактовку. Словосочетание «в соответствии с законом» может быть понято как «правомерность», тогда как термин «предусмотрен» законом предполагает властные указания, содержащиеся в нормах права.

Двусмысленность, возникающая из возможности различного толкования, была особенно актуальной для стран англосаксонской правовой системы, где в качестве источников права признается как прецедентное, так и статутное право. Первым делом, по которому Европейский суд высказал свою позицию относительно смысла указанных терминов, было дело *Мелоун против Соединенного Королевства* (Application no. 8691/79, *Malone v. the United Kingdom*, Judgment of 13 July 1981). Суд отметил идентичность указанных выражений, которые отсылают нас назад к внутреннему праву и означают, что должна иметь место определенная степень юридической защиты во внутреннем праве от произвольного вмешательства публичных властей. Затем указанная позиция была воспроизведена в решениях по делам *Аманн против Швейцарии* (Application no. 27798/95, *Amann v. Switzerland*, Judgment of 16 February 2000) и *Ротару против Румынии* (Application no. 28341/95, *Rotaru v. Romania*, Judgment of 5 May 2000).

Значительные разногласия и неоднозначную государственную практику вызвал и термин «закон». Важно было определить, понимать ли его в узком смысле, как нормативный акт, принимаемый законодательным органом, либо в широком смысле – охватывающем весь круг источников нормативных правовых актов, независимо от уровня государственного органа, его принимающего. Также непреходящее значение имел вопрос о том, распространяется ли

термин «закон» только на письменное континентальное право либо включает и англосаксонское прецедентное право.

Анализ решений Европейского суда позволяет сделать вывод о том, что он рассматривал закон в весьма широком смысле, включающем любой нормативный акт государственного органа, в том числе и судебный прецедент. Так, в своем решении по делу *Санди Таймс против Соединенного Королевства* (Application no. 6538/74, *The Sunday Times v. the United Kingdom*, Judgment of 26 April 1979) Европейский суд подчеркивал, что слово «закон» охватывает не только статутное, но и неписанное право. По мнению Суда, намерениям авторов Европейской конвенции явно противоречило бы утверждение о том, что ограничение, введенное согласно общему праву, «не предписано законом» только на том основании, что оно не отражено в законодательстве. Это лишило бы государство-участника Конвенции, в котором преобладает общее право, защиты, ударив по правовой системе государства.

Такая широкая трактовка термина «закон» способствовала выработке Европейским судом ряда конкретных требований, которым должно было отвечать конвенционное понимание данного нормативного акта. Они были сформулированы в решениях по делам *Силвера и другие против Соединенного Королевства* (Application no. 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75, *Silver and Others v. the United Kingdom*, Judgment of 25 March 1983), *Мелоун против Соединенного Королевства* (Application no. 8691/79, *Malone v. the United Kingdom*, Judgment of 2 August 1984), *Аманн против Швейцарии* (Application no. 27798/95, *Amann v. Switzerland*, Judgment of 16 February 2000), *К. и Т. против Финляндии* (Application no. 25702/94, *K. and T. v. Finland*, Judgment of 12 July 2001).

К обязательным элементам закона Суд относится следующее. Во-первых, **доступность**, которая предполагает информированность гражданина и его возможность свободно ориентироваться в том, какие правовые нормы применимы к его делу. Во-вторых, **предсказуемость** как четкость формулировок закона, позволяющих лицу определять свое поведение и предвидеть его последствия. В-третьих, **гибкость**, т.е. закон должен иметь возможность меняться согласно новым обстоятельствам. И, в-четвертых, **эффективность**, когда закон должен точно и ясно определять объем и способы вмешательства компетентных органов государства, чтобы обеспечить лицу соответствующую защиту от произвольного вмешательства.

Ограничения должны иметь законную цель

Законность цели предполагает, что государство может реализовывать ограничительные меры только в целях, указанных в Европейской конвенции, а именно: в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и свобод других лиц (п. 2 ст. 11). При оценке правомерности вмешательства государства Европейский суд решает, считать ли предпочтительным в данном случае усмотрение государства или соблюдение баланса между правами отдельного лица и общественными интересами. Так, в своих решениях *Хендисайд против Соединенного Королевства* (Application no. 5493/72, *Handyside v. the United Kingdom*, Judgment of 7 December 1976), *Даджен против*

Соединенного Королевства (Application no. 7525/76, *Dudgeon v. the United Kingdom*, Judgment of 22 October 1981), *Мюллер и другие против Швейцарии* (Application no. 10737/84, *Muller and Others v. Switzerland*, Judgment of 24 May 1988) Суд подчеркнул, что невозможно найти в правовом порядке и общественной системе государств единообразную европейскую систему нравственности. В разное время и в разных странах были приняты отличные подходы к требованиям морали, характеризующиеся «глубинной эволюцией мнений в данной сфере». Поэтому государственные власти, непосредственно соприкасаясь с жизненными реалиями своих стран, имеют больше возможностей высказываться о точном содержании этих требований, а также о необходимости ограничений, чем международные судьи.

Приоритетная роль усмотрения государств признается Европейским судом довольно часто, в том числе и при использовании ограничительных мер для предотвращения беспорядков и преступлений [4].

Применительно к другим целям допустимых ограничений, а именно: защита национальной безопасности и поддержание общественного порядка, Европейский суд решающее значение придает наличию соответствия интересов государства в области защиты национальной безопасности и глубины вмешательства в основные права и свободы граждан [5, 6].

В этом плане весьма показательны подходы Европейского суда при оценке законности целей в случае применения государством дерогационных мер в отношении права на объединение. В частности, в своем решении по делу *Коммунистическая партия Федеративной Республики Германия против Германии* (Application no. 250/57, *The German Communist Party v. Germany*, Judgment of 20 July 1957) Европейская комиссия по правам человека, ставшая после реформы 1998 г. Европейским судом, признала обоснованным запрещение Правительством Германии Коммунистической партии в интересах национальной безопасности, так как целью последней было свержение правительства и установление диктатуры. По мнению Комиссии, установление диктатуры несовместимо с целями Европейской конвенции, поскольку это привело бы к отмене многих закрепленных прав и свобод. Однако позже в деле *Вогт против Германии* (Application no. 17851/91, *Vogt v. Germany*, Judgment of 26 September 1995) Комиссия признала не соответствующим цели защиты национальной безопасности и предотвращения беспорядков увольнение из государственной школы учительницы, являющейся членом экстремистского левого крыла законно признанной политической партии.

В решении по делу *Партия благоденствия (Рефэх Партидзи) и другие против Турции* (Application no. 41340/98, 41342/98, 41343/98, 41344/98, *Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey*, Judgment of 13 February 2003) Суд признал роспуск партии законным. Указывалось, что программа политической партии в поддержку внесенных изменений в законодательные или конституционные структуры должна соответствовать двум условиям: использованные средства должны быть законными и демократичными; предложенные изменения должны соответствовать фундаментальным демократическим принципам. Суд признал, что роспуск партии действительно соответствовал социальной потребности в защите демократических основ общества, так как, давая принципу секуляризма новое значение, лидеры партии заявили о реше-

нии установить плюрализм законодательных систем, основанный на разных религиозных верованиях, и ввести институт мусульманского права, шариат, правовую систему, явно противоречащую ценностям, закрепленным в Европейской конвенции. Имелись также сомнения относительно позиции партии по поводу применения силы для достижения своих целей.

В недавнем деле *Вона против Венгрии* (Application no. 35943/10, *Vona v. Hungary*, Judgment of 9 July 2013) заявителем являлся председатель ассоциации «Венгерская гвардия», которая была создана с целью сохранения венгерских традиций и культуры. В июле 2007 г. ассоциация учредила движение с аналогичным названием, чья цель была определена как «защита Венгрии, беззащитной в физическом, духовном и интеллектуальном отношении». Вскоре после основания движение стало осуществлять деятельность, не соответствующую уставу, включая организацию слетов и демонстраций на всей территории Венгрии, в том числе деревни со значительным цыганским населением, призывая к защите этнических венгров от так называемой цыганской преступности. Власти требовали от ассоциации прекратить ее незаконную деятельность, чего последняя не сделала. Тогда было принято решение о роспуске ассоциации «Венгерская гвардия», а впоследствии и соответствующего движения. Европейским судом было признано, что роспуск этих организаций составлял вмешательство в право заявителя на свободу объединения с другими, но преследовал цели обеспечения общественного порядка, предотвращения беспорядков и преступлений и защиты прав и свобод других лиц. Суд признал, что общественные организации, такие как организация заявителя, могут играть важную роль в оформлении политики и политического влияния. И в данном случае не имеет значения, что демонстрации как таковые не являлись незаконными. Ряд слетов, организованных предположительно для сдерживания так называемой цыганской преступности путем полувоенных парадов, мог привести к осуществлению политики расовой сегрегации.

Оценка необходимости в демократическом обществе

В силу очевидной неопределенности данного критерия Европейский суд вынужден был активизировать свою деятельность по установлению его смысла. В ряде решений было дано следующее определение «необходимости»: оно не синонимично прилагательному «необходимый» и не имеет той гибкости, которые имеют такие термины, как «допустимый, обычный, полезный, разумный или желательный» [7, 8].

Для уточнения содержания этого определения Суд определил те критерии, которым должен отвечать термин «необходимость». Во-первых, любое государственное вмешательство в осуществление права должно обуславливаться настоятельной общественной необходимостью. Во-вторых, рамки и способ ограничения должны быть пропорциональны преследуемой законной цели.

Помимо слова «необходимость» в анализируемом выражении присутствует термин «демократическое общество». Его характерные признаки также были выделены Европейским судом в деле *Даджен против Соединенного Королевства* (Application no. 7525/76, *Dudgeon v. the United Kingdom*, Judg-

ment of 22 October 1981). К ним, в частности, относятся верховенство закона, терпимость и открытость. А в деле *К. и Т. против Финляндии* (Application no. 25702/94, K. and T. v. Finland, Judgment of 12 July 2001) Суд подчеркивал, что определение того, является ли вмешательство необходимым в демократическом обществе, находится в рамках свободы усмотрения государства. Однако с точки зрения Суда, сфера усмотрения государства должна быть тесно связана с европейским контролем, широта которого зависит от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Осуществляя контрольные функции, Европейский суд определяет, являлось ли вмешательство в конвенционные права соразмерным законно преследуемой цели и были ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, достаточными и соответствующими критериям конвенционных ограничений [9, 10, 11].

На примере защиты права на объединение можно увидеть особенности реализации контрольных функций Европейского суда в отношении определения государственного вмешательства необходимым в демократическом обществе. Например, дело *Юнг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства* (Application no. 7601/76, 7806/77, Young, James and Webster v. The United Kingdom, Judgment of 13 August 1981). В 1975 г. заявители работали в Обществе железных дорог Великобритании. В том же году это общество заключило с тремя профсоюзами соглашение «closed shop», ставящее с этого момента возможность работать в данной отрасли в зависимость от членства в одном из профсоюзов. Отказавшись выполнить это условие, заявители были уволены в 1976 г. Суд счел, что из Конвенции не следует, что каждая и любая обязанность вступать в профсоюз является совместимой с ее ст. 11. Он отметил, что угроза увольнения, означающая в перспективе потерю средств к существованию, является очень серьезной формой принуждения, которая в данном случае была применена в отношении наемных работников, вынужденных вступать в определенный профсоюз еще до начала исполнения своих обязанностей. По мнению Суда, такой тип принуждения касался сути свободы ассоциаций и представлял собой нарушение ст. 11 Конвенции.

В другом решении по делу *Жечев против Болгарии* (Application no. 57045/00, Zhechev v. Bulgaria, Judgment of 21 September 2007) заявитель пожаловал нарушение Республикой Болгария своего права на свободу объединения, в частности, отказ в регистрации возглавляемого им общественного объединения – ассоциации «Гражданское общество за интересы Болгарии, национальное достоинство, единство и интеграцию – для Болгарии» – по причине того, что его уставные цели являются политическими, а в соответствии с Конституцией Болгарии 1991 г. подобные цели могут преследовать лишь политические партии. Суд пришел к выводу, что заявленный политический характер целей ассоциации не является достаточным основанием для отказа в ее регистрации, поскольку в соответствии с болгарским законодательством объединения не могут принимать участие в национальных, местных или общеевропейских выборах. Таким образом, не существует «острой социальной необходимости» в том, чтобы каждое из объединений, цели которых признаны судом политическими, было зарегистрировано как политическая партия. Суд отметил, что принятые в отношении заявителя меры имели радикальный характер – они предотвратили осуществление организацией

какой-либо деятельности как таковой. На основании этого Суд установил, что отказ в регистрации ассоциации и вмешательство в реализацию права на объединение не может рассматриваться как необходимость в демократическом обществе, а значит, имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

В деле *Сидиропулос и другие против Греции* (Application no. 26695/95, *Sidiropoulos and others v. Greece*, Judgment of 10 July 1998) указывалось, что отказ в регистрации, основанный лишь на подозрении в осуществлении деятельности, которой данная ассоциация может заняться, было непропорциональной реакцией на законное беспокойство государства по поводу сепаратизма. Схожий подход прослеживается в решении по делу *Партия свободы и демократии против Турции* (Application no. 23885/94, *Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey*, Judgment of December 1999), где Европейский суд признал роспуск партии заявителя непропорциональным законно преследуемой цели из-за отсутствия оснований для приписывания ей связи с терроризмом, так как у партии не было времени предпринять какие-либо действия для исполнения своих целей.

Однако в решениях Европейского суда можно проследить и иной подход к оценке отказа в регистрации некоммерческой организации. Так, в деле *Горжелик и другие против Польши* (Application no. 44158/98, *Gorzelik and others v. Poland*, Judgment of 17 February 2004) заявителями выступали польские граждане, которые желали зарегистрировать новую организацию под названием «Союз людей силезской национальности». Власти отказали в регистрации объединения на том основании, что и название, и определенные положения союзного меморандума об ассоциации, который характеризует силезцев как национальное меньшинство, предполагали, что реальным намерением заявителей было изменить положения избирательного законодательства с целью предоставления привилегий национальным меньшинствам. Суд отметил, что ключевой аспект настоящего дела состоит в оценке того, были ли заявители лишены возможности формировать ассоциацию для целей, перечисленных в меморандуме об ассоциации, и установлении того, были ли учредители готовы к компромиссу по вопросам, на обсуждении которых настаивало государство. Суд признал позицию властей обоснованной. По его мнению, совпадения в терминологии, а также спорность названия создают впечатление, что в будущем члены ассоциации помимо стремления к достижению программных целей будут пытаться участвовать в выборах. Суд установил, что действия властей были оправданы с точки зрения защиты избирательной системы государства, которая является необходимым элементом надлежащего функционирования демократического общества, а потому нарушения ст. 11 Конвенции не было.

Дополнительные специфические ограничения права на объединение

Одним из специфических дополнительных ограничений права на объединение, не присущих другим конвенционным свободам, является установленное ст. 11 введение законных ограничений на осуществление данного права лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Весьма интересным с точки зрения этого ограничения явилось рассмотрение Комиссией в 1987 г. жалобы Совета союза гражданских служащих против Соединенного Королевства. Ее смысл сводился к оспариванию действий государства по отмене права служащих штаб-квартиры правительственной связи на создание профсоюза и вступления в него. В течение 40 лет служащие данного учреждения имели свой профсоюз и принимали участие в забастовке. Поскольку дело касалось сотрудников штаб-квартиры правительственной связи, которые подпали под категорию административных работников Управления, Комиссия рассматривала это дело в рамках особого ограничения, предусмотренного п. 2 ст. 11. Она пришла к выводу о правомерности действий государства по регулированию членства в профсоюзах, указав, что такие государственные меры подпадают под контроль со стороны внутренних судов. Комиссия не рассматривала вопрос о соответствии термина «законность» принципу соразмерности, подчеркнув, что в данном случае это условие также соблюдалось при всех обстоятельствах.

Впоследствии это решение Комиссии было подвергнуто основательной критике, как позволяющее государству выходить за пределы своей компетенции, налагать ограничения, предусмотренные п. 2 ст. 11 на право объединений.

На рассмотрении Комиссии находились также дела, связанные с выяснением понятия «персонал административных органов государства». Так, в решении по делу *Вогт против Германии* (Application no. 17851/91, *Vogt v. Germany*, Judgment of 26 September 1995) Комиссия указала, что учителя немецких государственных школ не относятся к подобному персоналу.

Заключение

Исходя из практики государств, касающейся применения правомерных ограничений в отношении права на объединение, предусмотренных в п. 2 ст. 11 Европейской конвенции, и решений Европейского суда по жалобам на применение государствами законного вмешательства в осуществление конвенционных прав и свобод, можно сделать вывод о том, что абстрактность, неопределенность формулировок таких ограничений способствовали развитию и признанию свободы усмотрения государств при их применении. Однако контрольные функции Комиссии, а впоследствии Суда в отношении обоснованности такого законного вмешательства государства содействовали уточнению понятийного аппарата института дерогации и создали дополнительные гарантии для реализации человеком закрепленных в Европейской конвенции прав и свобод.

Важно отметить, что интерпретационная деятельность Европейского суда обеспечила актуализацию Европейской конвенции, возможность ее применения в современных меняющихся условиях, несмотря на более чем полувековой период с момента ее принятия. На эту особенность указал Суд в своем решении по делу *Лойзиду против Турции* (Application no. 15318/89, *Loizidou v. Turkey*, Judgment of 8 July 1993), подчеркнув, что «Конвенция является живым актом, который должен толковаться в свете современных условий».

Литература

1. Мингазов Л.Х. Ограничение прав человека в международном гуманитарном праве и в праве прав человека (право на дерогацию) // Современные тенденции развития международного

гуманитарного права: сборник научных докладов Международной научно-практической конференции. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. С. 182–195.

2. Пчелинцев С.В. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах» и другие международные документы, не имеющие официального статуса: проблемы применения // Юрист-международник. 2006. № 1. С. 34–38.

3. *Международная и внутригосударственная защита прав человека*: Учебник / под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут. 2011. 830 с.

4. Малеев Ю.Н. Дерогация в современном международном праве // Евразийский юридический журнал. 2012. 2(45). С. 16–21.

5. *Бенсаид против Соединенного Королевства* (Application no. 44599/98, *Bensaid v. United Kingdom*, Judgment of 6 February 2001) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view 05.05.2015).

6. *Тиннели и сыновья Лимитед против Соединенного Королевства* (1998 год) (Application no. 20390/92, 21322/92, *Tinnelly & Son Ltd and others and McElduff and others v. the United Kingdom*, Judgment of 10 July 1998) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 05.05.2015).

7. *Ротару против Румынии* (Application no. 28341/95, *Rotaru v. Romania*, Judgment of 5 May 2000) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 05.05.2015).

8. *Хендисайд против Соединенного Королевства* (Application no. 5493/72, *Handyside v. the United Kingdom*, Judgment of 7 December 1976) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 05.05.2015).

9. *Силвера и другие против Соединенного Королевства* (Application no. 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75, *Silver and Others v. the United Kingdom*, Judgment of 25 March 1983) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 05.05.2015).

10. *Лингенс против Австрии* (Application no. 9815/82, *Lingens v. Austria*, Judgment of 8 July 1986) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 05.05.2015).

11. *Санди Таймс № 2 против Соединенного Королевства* (Application no. 13166/87, *The Sunday Times v. United Kingdom (No. 2)*, Judgment of 26 November 1991) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 05.05.2015).

12. *Андрес Вабль против Австрии* (Application no. 24773/94, *Andreas Wabl v. Austria*, Judgment of 21 March 2000) [Electronic Resource] / European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 05.05.2015).

Isaeva Anastasia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DOI 10.17223/22253513/16/7

THE RIGHT TO ASSOCIATION AND ITS RESTRICTIONS BY THE STATE ACCORDING TO THE EUROPEAN CONVENTION FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS 1950

Key words: the right to association, registration of associations, human rights, European Court of Human Rights, conventional rights.

The right to association enables people to express and defend their common interests collectively. Respect for law and observance of it by all branches of public power as well as a consistent fulfillment of corresponding laws by all strata of the society are necessary for the establishment and further development of genuine democracy and its institutions. According to legal doctrine the right of everyone to association with others can be referred to the group of negative rights. This implies the duty of any state neither to violate nor to impede the legal realization of the above rights by any person. But this duty cannot be interpreted as an absolute one. It coexists with the following positive duties of the state: firstly, to ensure the effective realization of individual rights and freedoms; secondly, to guarantee such conditions under which the realization of rights and freedoms by one person will not violate their application by others.

It is necessary to note that excessive abstractness of the above wordings and criteria of legal restrictions inspired their subjective, arbitrary interpretation and application in practice of the member states of the European Council and, thus, generated many complaints to the European Court of Human

Rights (hereafter Court). Having used the method of interpretation, the Court formulated basic requirements to the validity of restrictions: they should be provided for in law.

The term “law” gave rise to considerable disputes and an ambiguous state practice. The analysis of the Court decisions enables us to conclude that it considered law in a very general sense i.e. any regulatory act of a state body including a judicial precedent is a law.

Another requirement to the validity of restriction of the right to association is the legality of purpose. It suggests that a state can realize its restrictive measures only for the purposes mentioned in the European Convention: in the interests of national security and public order, to prevent riots and crimes, for health care and protection of freedom of other people (Article 11, Item 2). One more requirement is the assessment of necessity in a democratic society. The term “necessity” should correspond to a number of conditions. Firstly, any state interference into the exercise of the right should be stipulated by the insistent social necessity. Secondly, the framework and mode of restriction should be proportional to a legitimate purpose.

Thus, taking into account the practice of states in application of lawful restrictions to the right to association and the Court decisions on the complaints against state interference in the exercise of conventional rights and freedoms, we can conclude that abstractness and vagueness of the wording of such restrictions promoted the development and recognition of a discretionary power of the state.

References

1. Mingazov, L.Kh. (2011) [Limitation of human rights and international humanitarian law and human rights law (the right to derogation)]. *Sovremennye tendentsii razvitiya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava* [Current trends of development of international humanitarian law]. Reports of the International Research Conference. Kazan. pp. 182-195. (In Russian).

2. Pchelintsev, S.V. (2006) “Sirakuzskie printsipy tolkovaniya ogranicheniy i otstupleniy ot polozheniy Mezhdunarodnogo pakta o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh” i drugie mezhdunarodnye dokumenty, ne imeyushchie ofitsial'nogo statusa: problemy primeneniya [The Siracusa Principles on the Limitation and Derogation Provisions in the International Covenant for Civil and Political Rights and other international instruments that do not have official status: the problem of application]. *Yurist-mezhdunarodnik – International Lawyer*. 1. pp. 34-38.

3. Valeev, R.M. (ed.) (2011) *Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka*. [International and interstate protection of human rights]. Moscow: Statut.

4. Maleev, Yu.N. (2012) Derogation in contemporary international law. *EvrAziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 2 (45). pp. 16-21. (In Russian).

5. *Bensaid v. United Kingdom*. [2001] Application no. 44599/98. European Court of Human Rights. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 5th May 2015)

6. *Tinnely & Sons Ltd. and McElduff v. United Kingdom*. [2001] European Court of Human Rights. (1998) [Online] February 2001. Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 5th May 2015).

7. *Rotaru v. Romania*. [2000] Application no. 28341/95. European Court of Human Rights. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 5th May 2015).

8. *Handyside v. the United Kingdom*. [1976] Application no. 5493/72. European Court of Human Rights. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 5th May 2015).

9. *Silvera and Others v. the United Kingdom*. [1983] Application no. 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75. European Court of Human Rights. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/> (Accessed: 5th May 2015).

10. *Lingens v. Austria*. [1986] Application no. 9815/82. European Court of Human Rights. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 5th May 2015).

11. *The Sunday Times v. United Kingdom*. [1991] Application no. 13166/87. European Court of Human Rights. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 5th May 2015).

12. *Andreas Wabl v. Austria*. (2000) Application no. 24773/94. European Court of Human Rights. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 5th May 2015).